

ДЯДЯ ФЕДЯ, ТЁТЯ ТАНЯ

На новом месте назначения дали мне с семьей квартирку скромную, можно даже сказать – бедненькую дали квартирку: домик на две комнаты в отдаленном, почти деревенском уголке районного центра. Сказали, что временно. Домик до нас пустовал, потому заехали сразу, сгрузив свой невзрачный скарб на узенькой ограде: жена решила побелить стены и покрасить полы.

Я отворил покосившуюся калитку огорода и ступил на зеленый ковер сорной травы: без хозяина и дом, и огород сирота. Зато соседний участок вызывающе выглядел: буйный картофель достигал высоты изгороди, на меже распластались зеленые с прожилками листья, а сами тыквы частью свалились с межи и мирно покоились прямо на земле, частью свисали с жердей изгороди на толстых жилах ботвы. Три ряда помидоров тоже не отстали в росте, а плоды терялись в листве и только изредка высывались зелеными пупырышками. Но краше всего выглядели две высокие огуречные гряды, такие в наших краях складывают из скопившегося за зиму навоза, с наступлением тепла он начинает согреваться и подпитывает спасительным теплом слабенькие стебельки огуречной рассады. Гряды пропрели и осели за лето, но и сейчас, в середине июля, выглядели внушительно. По покатым бокам их сползали крупные огурцы, начинающие желтеть. Огромные шляпы подсолнухов у дальней межи грустно опустили головы и ждали созревания, веселые воробьи, как акробаты, свисали с полей шляп и ловко воровали из ячеек еще молочные семечки. Все было зелено и радостно.

С соседями своими я познакомился в тот же вечер, потому что надо было заносить в дом громоздкие вещи, и тут без помощников не обойтись. В ограде встретила пожилая женщина, довольно небрежно одетая: грязный халат, в каких обычно работают уборщицы в учреждениях, был заношен до крайности и неуклюже топорщился, столь же несвежая косынка повязана на бок, отчего хозяйка казалась забиякой, на ногах рваные опорки резиновых сапог. Она несла подойник с парным молоком, его белизна нелепо смотрелась на фоне затрапезной доярки. Поздоровался, объяснил, что сосед, спросил, есть ли в доме мужчина, нужна помощь.

– Муж ваш дома?

– Муж – объелся груш. Дома, где ж ему быть? Федя – брат медведя! Иди сюда!

Из дверей рубленых сеней, у нас их называют сенками, вышел крепкий кражистый мужичок, сразу подал мне руку:

– Вижу, что новоселы. Пошли, подмогну.

Мы управились довольно быстро, за это время я узнал, что жену его зовут Татьяна Аверьяновна, сам он приезжий, сошлись три года назад.

– Ты ее бабкой Таней зови, она любит. Да и на пенсии, все равно бабушка.

Бабка Таня просунулась в открытое окно:

– Айдайте к нам ужинать, хозяйка когда еще наготовит.

На столе большая сковорода жареной картошки, нарезаны уже знакомые мне огурцы, молоко в банке и чайник. Чайник оказался с сюрпризом, бабка Таня ловко налила всем по стакану мутноватой бражки и провозгласила тост за новых соседей, чтобы нам в дружбе жилось.

Дружить с бабкой Таней оказалось непросто, как только я выходил на крыльцо, она открывала окно и кричала:

– Иди сюда, милай мой!

Если не смог отнекаться и заходил, бабка Таня наливала по стакану браги, мы выпивали, я заедал недобродившую еще жидкость огурцом или луковым пером. Отказываться было бесполезно, потому всячески избегал посещений. Федор это не одобрял:

– Ты заходи, мне одному бабка не нальет, когда сама вдруг не потребляет.

Вечерами соседи носили ведрами воду из колонки на огород, щедро заливая все, что посажено в огороде. Похоже, бабку Таню не особенно интересовали результаты своей работы, а больше нравился процесс, но активность этих людей удивляла. Со временем примирился, что бабка Таня частенько пьяненькая, чем и Федор не всегда доволен. Он был хороший плотник, раньше гнул полозья для саней и конские дуги, потом спроса не стало, баловался всякой мелочью.

Прожили зиму. Весной по предложению соседей я натаскал вилами большую кучу навоза и сложил гряду, огурцы быстро пошли в рост, чему немало способствовала очень теплая погода. У соседского плетня высились две большие гряды, которые дед и бабка каждый вечер заливали водой из колонки. Скоро над грядами поднялась буйная зелень, и бабка Таня позвала меня:

– Глянь, милянкой мой, не пойму, кто растет, только не огурцы, это уж точно. Я же, дорогой мой, агроном, курсы кончала, в эмтээсе робила. Глянь.

На грядах росли тыквы, точно такие жена посалила по краю картофельного огорода, но наши значительно отставали в росте, а эти на навозном тепле нежились.

Бабка Таня так и села на гряду:

– Вот дура – в лес подула, голы веники ломать! В той коробочке у меня и тыквенные семена были, и огуречные. Тьфу ты, прости господи!

Встала, наклонилась ко мне:

– Как садила – не помню, мы в тот день с дедом картошку сдали, обмыли. И вот, пожалуйста! Мичуринец хренов! Только ты никому не рассказывай, засмеют.

Как-то вечером соседка окликнула меня через плетень:

– Ты, миленькой мой, не отвезешь нас с дедом утречком на покос?

Я согласился. Утром загрузили в мой «уазик» грабли и вилы, сумку и ведро. Дед Федор сел рядом и показывал дорогу, то и дело уточняя:

– Сюда поверни... Вот тут направо... Тормозни, вон ямка.

Странно, но меня это штурманское поведение деда не раздражало, а веселило.

– Сенов-то много надо ставить?

Бабка Таня оживилась:

– Да дивненько, миленькай, дивно. Корова – жрать здорова, потом бычок, худ как сверчок, телочка нонешная, да овечки. Но – накосим, уж половину накосили, нынче бы собрать.

Дед указал на березовый колочек, куда надо подъехать. Пока разгружались, я зашел в лесок, ущипнул присохшую клубничку, пропустил между пальцами веточку костянки и порадовался терпкому кисленькому удовольствию. Пошел было дальше, но бабкин окрик остановил:

– Милай, подь сюда скорей!

Бабка Таня стояла на коленях и, наклонившись, что-то бережно перебирала, любуясь и приговаривая:

– Да миленькие вы мои, да хорошинькие, да в кого такие уродились-то!

Ненужные уже грабельцы лежали тут же, легонький валочек подсохшей травы откинут, а под ним на влажной подушке лесного покоса в рядочек выстроились маленькие крепкие грузочки. Я руками осторожненько отгребал подбывавшую траву и сламывал фарфоровые грузочки. Вспомнился отец с его постоянным наказом «собирать грузди не больше свиной бирьки». И дед Федор присоединился к нашему пиршеству, скоро весь покос проползли и собрали два бабкиных платка.

– Вези домой, пусть хозяйка вымочит и засолит, а мы начнем, уж ободняло.

Я только вернулся с работы, бабка Таня ждала у окна:

– Забирай своих - и к нам, свежую картошку пробовать.

Наверно, это повелось с голодных лет, когда в крестьянском хозяйстве не только хлеба – картошки не хватало до нового урожая, потому свежую, молодую картошку ждали. Ее не копали, разворотив все гнездо, как делают осенью, гнездо аккуратно подкапывали, отец, помню, руками подрывал рыхлый чернозем, нащупывал самую крупную картофелину и осторожно отщипывал ее от корневища. Такую картошку варили в мундире или счищали тонкую кожуру тыльной стороной ножа.

Бабка Таня вывалила на блюдо чугунок картошки, сваренной на таганке в ограде, она припахивала дымком, кожура полопалась, разварившийся крахмал выпирал из разломов. Дед Федор налил по стакану браги:

– Ну, робята, как говорят цыганы: «Картошка присхандыла, мокрым чаем припием, и пчальгу традыём». Не спрашивай, переводов не знаю.

Я не стал пить, чтобы не портить праздник. Чуть остывшую картофелину разломил пополам, круто посолил и, обжигаясь, прикусывал, осторожно разминал языком во рту, глотая горячую и приятную кашу.

Когда уходили, заметил в ведре, приготовленном для поросенка, пригоршню мелкой картошки. Точно, они не подкапывают.

– А зачем? – Удивилась бабка Таня. – У нас ее без малого гектар. Вот копать начнем осенью – только шур да бар, огонь да вода! Успеть прибрать, а то хизнет.

Я понял, что пропасть может.

Мои друзья, приехав в гости, домишко мой забраковали, через неделю привезли две машины бруса: строй! Нанял троих мужиков, залили фундамент, выложили стены. Под стройку ушла часть огорода. Деньги быстро кончились, а осенью начальство предложило благоустроенную трехкомнатную квартиру с условием, что и домик, и стройку сдам властям. Надо было принимать решение. Вечером рассказал соседям.

– Ну, и что ты надумал? – Бабка Таня была явно заинтригована.

– Ума не дам. На будущее лето можно дом достроить, улочка у нас тихая, огород, ягодник, можно поросеночка держать. Все-таки на земле.

– Правильно, милай ты мой! Ты погляди, красота-то какая! И тихо, и чисто, и соседи хорошие. Откажись, достраивай и обзаводись!

– С другой стороны – благоустроенная квартира: за водой бегать не надо, дров не надо, туалет посреди квартиры. Никаких забот, пришел с работы, включил телевизор и на диван.

– Правильно! Нахрена тебе грязь да мухота! Всю жизнь в говне копать! То ли дело – открыл крантик – водичка, тавалет – только дерни за веревочку. Переходи, и не думай!

Дед Федор хохотал от души:

– Ну, бабка, признавайся, ты за белых аль за красных? И куда теперь ему с твоим советом?

Через неделю я получил ордер и переехал в новый дом. Со стариками изредка общался, не переставая удивляться их оптимизму и жизнелюбию. Впрочем, они едва ли свою жизнь так понимали. Дед Федор умер первым, через месяц похоронили бабку Таню. Я жил уже в другом районе, приехал, постоял у могил с простыми деревянными крестами. Было светло и грустно.

12–14 июля 2009 года